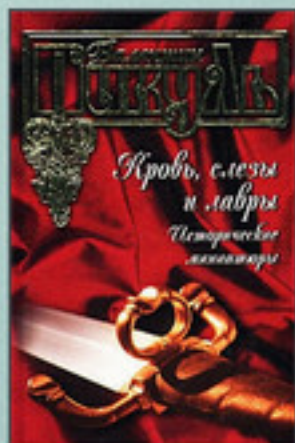

Валентин Пикуль

Резановский мавзолей

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Кровь, слезы и лавры

Валентин Пикуль

Резановский мавзолей

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Резановский мавзолей / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», — (Кровь, слезы и лавры)

«Повесть начнется с осени 1802 года, но, верный своим навыкам – забегать во времени вперед, я приглашаю читателя в Калифорнию 1847 года, когда эти края навестил известный английский мореплаватель и ученый Джордж Симпсон...»

Валентин Пикуль

Резановский мавзолей

Повесть начнется с осени 1802 года, но, верный своим навыкам – забегать во времени вперед, я приглашаю читателя в Калифорнию 1847 года, когда эти края навещил известный английский мореплаватель и ученый Джордж Симпсон.

Сан-Франциско еще не блистал огнями, к северу от Сакраменто бурная Славянка впадала в залив Румянцева, в устье этой реки высился гордый Форт-Росс, окруженный множеством ранчо русских поселений, где они выращивали редьку в пуд весом, а к югу от Сан-Франциско располагался Монтерей – столица всей испанской Калифорнии. Уроженец тех краев, американский писатель Брет Гарт, вспоминал, что случилось тогда в цитадели праздничного Монтерея:

Много собралось народу на торжественный банкет,
Принимал все поздравления гость, английский баронет.
Отзвучали речи, тосты, и застольный шум притих:
Кто-то вслух неосторожно вспомнил, как пропал жених.
Тут воскликнул сэра Джордж Симпсон:
– Нет, жених не виноват!..

Старые гранды, хозяева Монтерея, еще не забыли, как давным-давно сюда ворвался под парусами русский корабль, с него сошел на берег дипломат царя Николай Резанов, а донья Кончита, юная дочь коменданта, тогда же отдала ему руку и сердце, поклявшись ждать, когда он вернется снова, чтобы увезти ее в заснеженную Россию. Но с тех пор минуло сорок лет, Резанов не возвратился, а Кончита, старея, все ждала его, все ждала, ждала...

Иногда она в печали слышала безгласный зов.
– Он придет, – цветы шептали.
– Никогда, – несло с холмов...

– Нет, жених не виноват! – провозгласил сэра Джордж Симпсон. – У нас в Лондоне хорошо знают его историю. Резанов, влюбленный в юную испанку, скакал через Сибирь как бешеный, зная, что невеста обязалась ждать его два года, и во время скачки он выпал из седла и разбился насмерть. Думаю, пылкая испанка, прождав два года, давно забыла о нем! А жива ли она? – вдруг спросил Симпсон.

Разом все стихло. Из-за стола поднялась пожилая, но еще красивая испанка – вся в черных одеждах.

– Это... я! – сказала она, и стало еще тише. – Нет, сэра, не два года, а двадцать раз по два года я жду, все СОРОК ЛЕТ...

Джордж Симпсон растерялся, никак не готовый встретить испанскую Пенелопу, почти полвека ожидавшую своего Одиссея.

– Простите, – единственное, что он мог ей сказать.

– Все кончено, – отвечала ему Кончита Консепсьон, выходя из-за стола, – и теперь мне уже некого ждать.

– Простите, – еще раз повторил британец.

А под белым капюшоном на него глядел в упор
Черным углем пережженный женщины безумный взор.

«А жива ль она?» – Кончиты раздалися тут слова:
– Нет, синьоры, вы считайте, что отныне я мертва...

– Мертва, мертва, а я один. Зачем ты покинула меня?

Так рыдал над гробом жены Николай Петрович Резанов, и мы, читатель, возвращаемся в осень 1802 года, когда на кладбище Петербурга выросла новая могила. Сенатский обер-прокурор похоронил свою жену Анну, дочь знаменитого Шелихова, которая оставила ему малолетних детей, в том числе и младенца – дочь Олю, которой исполнилось лишь 12 дней...

Николай Петрович навестил поэта Державина:

– Гаврила Романыч, – сказал он ему, рыдающий, – чувствую, жизнь покидает меня. А на детей глядя, едино лишь растрavляю свои сердечные раны... Что делать? Подскажи!

Резанов был автором проекта о посольстве в Японию, он же ратовал о коммерческих связях русской Аляски с русскими в Калифорнии, и Державин сказал, что развеять свое горе вдовец может лишь в дальнем путешествии, какое и готовится:

– Думаю, государь одобрит твое назначение...

Александр I согласился, добавив:

– С тех пор, как еще во времена моей великой бабки Екатерины берега Японии посетил наш корабль лейтенанта Лаксмана, японцы соглашались принять наше посольство. Мало того, у нас давно живут немало японцев, которых бурями прибило к берегам России, и надобно бы вернуть их на родину...

Предстояло первое кругосветное путешествие россиян. Кронштадт снаряжал корабли «Надежда» и «Нева», которыми командовали капитан-лейтенанты Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский, а в Петербурге Резанов собирал штаты посольства, ученых, врачей, ботаников и «кавалеров», столь необходимых для вящей пышности, при этом в «кавалеры» попал и буйный поручик гвардии граф Федор Толстой, которого позже обессмертил Грибоедов в строфах из «Горе от ума»: «ночной разбойник, дуэлист... и крепко на руку нечист...»

– Я тоже не сию без дела, – сказал Резанову император, – составляю послание на имя японского императора, которое будет писано чистым золотом на веленовой бумаге в окружении даров природы, а вы подумайте о щедрых презентях...

Список подарков для микадо лежит передо мною, занимая целую страницу печатного текста. Выделю главные: сервизы и вазы из фарфора, ценные ковры, меха лисиц и горноста, парча, атлас и бархат, «кулибинские» фонари для освещения улиц, ружья, сабли и пистолеты, гарнитуры пуговиц, генеральные карты Российской империи и прочее. Резанов, думая о жителях русской Аляски, не забыл погрузить на корабли и целую библиотеку, в которой были стихи и книги по экономике, «скотский лечебник» и херасковская «Россияда»... Ах, как много людей чаяло попасть в эту экспедицию! Просились персоны важные и мелкотравчатые людишки: «Ревность к службе и любовь к Отечеству суть главные причины, побудившие меня утруждать начальство об удостоении меня иметь честь быть в числе избранных к свершению столь славного подвига, труды и опасности коего не в силах умалить моего патриотического усердия...» Сейчас так не пишут!

27 июля 1803 года якоря были выбраны, паруса подняты.

Лондон в ту пору забавлялся карикатурами на молодого Наполеона, угрожавшего англичанам высадкой десанта. Английские многопушечники, встретив у своих берегов русские корабли, сначала приняли их за французские, но, распознав ошибку, прислали бочонок рому, а русские отдарились от них бочкою с клюквенным вареньем. В конце октября «Надежда» и «Нева» были уже на Канарских островах, которые издали казались сущим раем. Но, попав на берега, матросы увидели, что много канарцев спят прямо на улицах, никогда крыши над головой не имея. Крузенштерн записывал: «Всеобщая бедность народа, небывалый разврат женщин и толпы тучных монахов, шатающихся ночью по улицам для услаждения чувств своих, –

суть такие отличия сей страны...» В конце ноября, когда над крышами русских деревень задували снежные вьюги, русские корабли, изнуренные жаром и штилями, пересекли экватор, а матросы, разбежавшись по вантам, трижды провозгласили «ура»... Впереди лежала Бразилия!

Крузенштерн и Лисянский распорядились:

– Все матросы в Бразилии получают от нас по пиастру...

Четыре недели оставались возле острова Санта-Екатерина, ремонтировались после штормов. Именно здесь, в видимости берегов Бразилии, стали портиться отношения Резанова с командирами кораблей и офицерами. Николай Петрович, поставленный во главе всей экспедиции, не вмешивался в дела Крузенштерна и Лисянского, тактично считая себя лишь «пассажиром». Вражда возникла по вине «кавалера» графа Толстого, который объявил Резанову «матерную войну» и часто, будучи пьяным, оскорблял Резанова, не стыдясь матросов, а моряки пока что не вмешивались в дела посольства, наверное, полагая, что брань графа – дело не морское, а из лексикона дипломатического.

– Во как заливает! – смеялись матросы. – А ведь граф... Таки-то слова у нас и в деревне отродясь не слыхивали...

Николай Петрович не раз грозил Федору Толстому:

– Только бы нам до Камчатки добраться, ваше сиятельство, там-то, граф, вы в остроге у меня насидитесь...

(Об этом, читатель, Грибоедов не забыл помянуть: «В Камчатку сослан он, вернулся алеутом...») Глядя на поведение «кавалера» посольства, и офицеры кораблей стали относиться к Резанову без должного респекта, а скоро дипломат рассорился с Крузенштерном. Существует большая литература об этой ссоре, о которой раньше много писали, а наши историки о ней нарочито умалчивают, оберегая бесспорные авторитеты участников экспедиции. Суть же разногласий была такова: Крузенштерн, не имея на то никаких прав, требовал от Резанова подчинения ему, а Резанов, имея полномочия посланника и начальника всей экспедиции, не желал подчиняться капитан-лейтенанту. Однако, вдоволь наглядевшись на то, как вечно пьяный «кавалер» посольства Толстой оскорбляет своего же посла, Юрий Лисянский перестал принимать от Резанова почту, говоря, что чужих писем читать не любит, а распоряжения принимает лишь от Крузенштерна.

– Чужих писем читать и я не привык, а что касасяемо важных распоряжений, так ожидаю и таковые токмо от Крузенштерна...

Читатель, надеюсь, догадался, что конфликт назрел, достаточно одного неосторожного слова, чтобы скандал разразился. Однако впереди предстояло огибать проклятый мыс Горн, где блуждала легендарная тень «летучего голландца», и, обогнув этот мыс, корабли из Атлантики перешли в Тихий океан, а там гляди, как бы не проскочить мимо острова Пасхи, а в пути до Пасхи корабли потеряли один другого, – посему всем, кроме беспутного графа Толстого, было не до выяснения отношений, и Крузенштерн, усталый от недосыпания, наказал вахтенному офицеру:

– Впереди архипелаг Маркизовских островов, так вы, любезный, не проскочите мимо Нука-Гива, где наверняка нас ожидает «Нева» Лисянского, дабы следовать совместно далее...

Нука-Гива открылась гремящими со скал водопадами, «Нева» уж стояла на якоре, поджидая «Надежду», вокруг кораблей плавали множество островитян, предлагая в обмен на куски железа кокосы и бананы. Крузенштерн выступил перед матросами с призывом:

– Дикарей не обижать! Помните, что российский флот здесь видят впервые, и я уверен, что мы покинем Маркизовы острова так, чтобы оставить по себе только самую добрую память...

Но, призывая не обижать дикарей, Крузенштерн здорово обидел Резанова, человека от дикости далекого. Случилось это так. Пока команды выменивали плоды и фрукты, Резанов велел выменивать у островитян предметы их обихода – для этнографической коллекции Петер-

бургской Академии наук. Но Крузенштерн ученых, что подчинялись Резанову, разругал, велел им не заниматься «глупостями», а все, что они собрали, отнял у них. Не понимаю – зачем?

2 мая 1804 года Резанов сказал Крузенштерну:

– Не стыдно ли вам *ребячиться*, свою власть показывая и не позволяя мне исполнять то, что положено экспедиции?

«Вдруг закричал он (Крузенштерн) на меня:

– Как вы смели сказать, что я ребячусь?

– Весьма смею – как *начальник* ваш.

– Вы начальник? А знаете ли, как я поступлю с вами?..»

Этот волшебный диалог имел продолжение. Крузенштерн вломился в каюту посланника, угрожая ему расправой, потом вызвал на борт «Надежды» Лисянского с его офицерами, и теперь офицеры двух кораблей стали кричать:

– На шканцы его! Вот мы проучим этого самозванца.

– Дайте мне молоток и гвозди, – кричал граф Федор Толстой. – Я заколочу дверь в его каюту, и пусть он там сдохнет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.